

МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО: СУЩНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ

А. В. Погорельчик

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 марта 2013 г.

Аннотация: в данной статье анализируются основные процессы, составляющие сущность современного массового общества. Автор рассматривает такие феномены, как индустриализация, урбанизация, информатизация, демократизация, десакрализация и др.

Ключевые слова: индустриализация, урбанизация, информатизация, демократизация, десакрализация, современное общество, массовая культура, социализация.

Abstract: the article with the problem of the analyses of the main processes take part in the context of the modern society. The author considers such phenomena as: industrialization, urbanization, informatization, democratization, desacralization etc.

Key words: industrialization, urbanization, informatization, democratization, desacralization, modern society, mass culture, socialization.

Современное массовое общество представляет собой сложный комплекс взаимодействующих друг с другом феноменов, каждый из которых заслуживает отдельного исследования. Данная работа посвящена анализу наиболее значимых процессов, составляющих сущность развитого индустриально-демократического общества.

Одним из первых исследователей, рассматривавших феномен массовизации, был К. Маркс. По Марксу, исходной предпосылкой и одновременно основной базой массовизации, появляющейся со становлением капитализма, служит определенный уровень развития производительных сил, а именно промышленная революция, возникновение принципиально новых средств труда – машин. Крупное капиталистическое производство представляет собой типичный случай собственно массового производства. «Действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства» [1, с. 333]. Уже в этих словах мы находим предельно общие характеристики феномена массовизации.

Массовое капиталистическое производство порождает так называемого «частичного работника», у которого смысл трудовой деятельности (заработок) отделен от ее объективного значения (создание некоторого продукта). Этот «частичный работник» является жертвой феномена отчуждения. В процессе отчуждения происходит не только отчуждение на-

емного работника от продукта его труда, но и отчуждение самого наемного труда от остальной жизни человека.

Таким образом, отчуждение наемного работника от его труда и наемного труда от остальной жизни человека – один из важнейших факторов формирования «массового», стандартно работающего и мыслящего человека, переставшего вкладывать в акт труда личностные смыслы и воплощающего в нем чуждые ему замыслы. «Категория отчуждения раскрывается Марксом как отчуждение труда, но последствия такового охватывают весь социальный организм, включая экономическое сознание, а затем политику, социальную психологию, мораль, философию, религиозное сознание и методологию науки» [2, с. 50–51]. К тому же массовое производство порождает идентичные типы массового поведения и значительное количество потребностей, которые удовлетворяются сходным образом.

В структуре массовизации Б. А. Грушин предлагает выделять два важных момента: 1) объединение в рамках общности большого, несопоставимого с прежними эпохами, числа индивидов, ведущее к умножению социальных связей; 2) *уравнение характеристик деятельности индивидов*, ведущее к определенному *уравнению свойств самих индивидов* [3, с. 31]. И если К. Маркс в основном рассматривает первый момент и, таким образом, воспринимает массу как множество людей, объединенных новыми экономическими отношениями в некую абстрактную общность, то Х. Ортега-и-Гассет, говоря о роли науки и промышленности в развитии «человека-массы», особое внимание обращает именно на изменение свойств индивидов под воздействием данных факторов. Он объединяет эти факторы под единым термином «техника». Его интересует не столько внешний процесс массовизации, а те внутренние метаморфозы, которые развиваются в человеке под их влиянием. По мнению Ортега-и-Гассета, развитие техники породило у «человека-массы» новое представление о жизни, которая во всех отношениях представляется материально доступной. «Никогда еще рядовой человек не утолял с таким размахом свои житейские запросы. То, что раньше считалось удачей и рождало признательность судьбе, стало правом, которое не благословляют, а требуют» [4, с. 71]. Материальный и управленческий технический прогресс становится практически безграничным. «Прежде даже для богатых и могущественных земля была миром нужды, тягот и риска. Жизнь среднего человека сегодня много легче, изобильней и безопасней могущественного властителя иных времен. Тот мир, что окружает нового человека с колыбели, не только не понуждает его к самообузданию, не только не ставит перед ним никаких запретов и ограничений, но, напротив, непрестанно берedit его аппетиты, которые в принципе могут расти бесконечно» [там же, с. 75]. Действительно, в современном мегаполисе стоит только набрать номер телефона и вам доставят на дом всё, что угодно в любое время суток. Ежедневно появляются новые виды товаров и услуг, которые потребитель уже не в силах переварить.

Об указанном говорит Г. Маркузе, описывая «одномерное» общество следующим образом: «Никогда прежде общество не располагало таким богатством интеллектуальных и материальных ресурсов и соответственно никогда прежде не знало такого объема господства общества над индивидом» [5, с. X].

О. Тоффлер считает массового человека порождением индустриального общества (по его терминологии, – общества «второй волны»). Зародившись в крупном промышленном производстве, фабричный стиль работы проникает в контору и другие сферы и области жизни: «... каждый работающий выполняет очень маленькую, без конца повторяющуюся работу, без какого-либо понимания ее отношения к целому, без какой-либо надежды на своеобразие и творчество» [6, с. 52]. Наиболее выгодным делом в эпоху «второй волны» были массовое, серийное, стандартизированное производство и соответствующая организация сбыта. Последнее стимулировало формирование массовых стандартов, стереотипов потребления; в широком смысле единообразие, похужесть, деиндивидуализация превращались в позитивную социальную норму.

Стиль жизни, навязываемый человеку производственным циклом индустриального общества и вынуждающий всецело сосредоточиться на выполнении социальных ролей, буквально опустошает его, не оставляя ни времени, ни сил на разностороннее развитие личности. Общество процессом своего развития стремится подчинить и раздробить личность, оставить ей какое-нибудь одно специальное отправление. Личность должна бороться за свою индивидуальность, за самостоятельность, за разносторонность своего «Я». Индустриальное общество делает победу в такого рода борьбе труднодостижимой, но тем важнее она становится для одержавшей ее личности.

Стандартизация характеристик деятельности и личностных характеристик при их определенном содержательном выхолащивании под влиянием присущей индустриальному обществу организации производства и потребления является только одной из важнейших движущих сил массовизации.

Процессы индустриализации способствовали формированию и быстрому росту городов-гигантов нового типа, сущность которых способствовала развитию совершенно иных по сравнению с традиционным обществом социокультурных условий бытия.

Вот некоторые цифры: в 1800 г. на планете было 5 % городского населения, а к началу 90-х гг. XX в. его численность уже превысила 45 %. Два столетия назад насчитывалось примерно 50 млн горожан, а к 2000 г. – свыше 3 млрд; за весь XIX в. число горожан увеличилось на 170 млн, а только за период 1950–1990 гг. – примерно на 1,7 млрд человек [7, с. 36].

Влияние новой городской среды на человека огромно. Попадая в город, он оказывался в новой для себя ситуации, когда прежние регулятивы его поведения переставали действовать, а новые еще не были вполне ясны. Отсутствие стабильных форм общения, способствующих преодо-

лению анонимности, порождало дезорганизованность и социальную напряженность.

Формированию новейшей городской массы способствовало, по мнению А. Роуза, ослабление «первичных» связей: во-первых, в отличие от сельского мира, городская жизнь создает условия для замкнутого, изолированного существования, во-вторых, падает роль некоторых институтов, которые раньше, по выражению американского философа Ч. Кули, были «инкубаторами» по формированию человеческой личности – семьи, церкви [8, с. 51].

Меняется характер коммуникации. На смену построенным на началах солидарности, свойственным для сельской общины личным неформальным отношениям в малых группах приходят более обезличенные связи в составе многочисленных и разнородных общностей. Общение городского человека становится избыточно многосторонним и вынужденно формализованным. Согласно Б. А. Грушину, по подсчетам современных социологов, каждый человек является ныне участником минимум 5–6 малых групп и 10–15 больших и средних групп [3, с. 36]. При такой плотности общения формализация, поверхностный характер большей части межличностных контактов становятся практически неизбежными, происходит сужение личностных, эмотивных элементов связей людей вне семьи, а нередко уже и в семье.

О. Шпенглер в работе «Закат Европы» большое внимание уделяет развитию индустриально-урбанистического общества, называя данное общество фазой цивилизации, которую он понимает как органически-логическое следствие, как завершение и исход культуры. Цивилизация – это эпоха мирового города. «*Мировой город и провинция* – этими основными понятиями всякой цивилизации открывается совершенно новая форма истории, которую мы сейчас переживаем... Вместо мира – *город*, одна *точка*, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран, в то время как всё остальное увядает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа – новый кочевник, паразит, житель большого города, человек абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокого отвращения к крестьянству (и к его высшей форме – провинциальному дворянству), следовательно, огромный шаг к неорганическому, к концу...» [9, с. 75]. Мировой город – это космополитизм вместо отечества, практический ум вместо благоговения к укладу и преданию, естественные права вместо приобретенных. «В мировом городе нет народа, а есть масса. Присущее ей непонимание традиций, борьба с которыми есть борьба против *культуры*, против знати, церкви, привилегий, династий, преданий в искусстве, границ познаваемого в науке, ее превосходящая крестьянский ум острая и холодная рассудочность... – всё это признаки новой по отношению к окончательно завершенной культуре и к провинции, поздней и лишенной будущего, однако неизбежной формы человеческого существования» [там же, с. 76].

Задолго до ведущих мыслителей Запада о сказанном писал русский философ К. Н. Леонтьев: «Машины, пар, электричество и т. д., во-первых, усиливают и ускоряют смешение сословий, а, во-вторых, все эти орудия выгодны только для того класса средних людей, которые суть и главное орудие смешения, и представители его, и продукт...» [10, с. 320].

Развитие крупного машинного производства и городов-мегаполисов способствовало становлению массового общества. Укрепление позиций данного общества, воспроизводство его структур и механизмов воздействия на составляющих его индивидов неразрывно связаны с появлением и эволюцией средств массовой коммуникации (СМК), роль которых в функционировании современной цивилизации трудно переоценить.

Массовая коммуникация – среда распространения и функционирования образцов поведения, через усвоение которых происходит воспроизводство «массы». Среди основных результатов воздействия массовой коммуникации обычно выделяют закрепление уже существующих установок, представлений и т. п. и формирование новых образов в сознании «человека-массы».

Социолог М. Маклюэн, в частности, подчеркивает, что отправной точкой эпохи «индустриального и типографского человека» явилось изобретение в XV в. И. Гутенбергом печатного станка. По словам Маклюэна, печатная техника создала публику, а электронная – массу.

Бурный характер процесса становления СМК был не только основан на растущих успехах техники и технологии, но и являлся отражением определенных общественных потребностей, спроса со стороны численно возрастающей публики. Эскалация деятельности СМК была призвана компенсировать распад традиционных форм общественных отношений и способствовать сплочению и объединению формирующейся анонимной городской общности [11, с. 81].

Под влиянием СМИ произошла глубокая трансформация политической и культурной жизни. Это было замечено Г. Тардом, который подчеркивал, что каждому типу связи соответствует некоторый тип социального сообщества: традиционной коммуникации из уст в уста – толпа; современной коммуникации, берущей свое начало с газеты, – публика. «Нынешний век, начиная с изобретения книгопечатания, породил совершенно новый тип публики, который не прекращает расти и бесконечное расширение которого является одной из наиболее впечатляющих черт нашей эпохи» [12, с. 35]. Особенностью членов данной публики является то, что люди всё больше превращаются в *потребителей информации*, идущей со стороны артиста, пропагандиста, радио и телекомментатора. Данный процесс сопровождается постепенным уменьшением многосторонних, непосредственных коммуникаций. Многостороннее общение всё более заменяется односторонним информативным потоком со стороны средств массовой коммуникации, которые превращаются в своеобразного «коммуникативного монополиста», универсального собеседника.

Диапазон информации, которая открыто и в массовом масштабе циркулирует в обществе, ее доступность для восприятия играют существен-

ную роль в формировании массового сознания. Существование средств массовой коммуникации породило возможность преднамеренного монопольного контроля и формирования в нужном направлении сознания множества людей, его ориентации идентичными стимулами в одном направлении. Контроль может осуществляться как крупными корпорациями, так и государственными институтами.

О большой роли средств массовой коммуникации в становлении рядового человека, принадлежащего к массе обывателей (т. е. к поляризованной массе), в работе «Властвующая элита» говорил Р. Миллс. По его мнению, воздействие средств массового общения (терминология Р. Миллса) на обывателя выражается прежде всего в формировании у него двух видов представлений: представлений о мировой социальной действительности, и, что кажется нам наиболее важным, представлений о самом себе. «Средства массового общения проникли не только в область нашего познания внешней действительности, они проникли также и в область нашего самопознания. Они снабдили нас новыми образцами и мерилками, по которым мы судим о себе, и внушили нам новые устремления, связанные с тем, какими мы хотели бы быть и какими хотели бы казаться» [13, с. 421]. Итак, представление рядового человека о себе внушается ему средствами массовой информации. Они подсказывают ему, каким он хотел бы быть, т. е. формируют его стремления, наконец, они подсказывают ему, как этого достигнуть, т. е. внушают ему пути и способы осуществления желаний. Они рассказывают ему, как он может чувствовать себя таким, каким хотел бы быть, даже не будучи им, т. е. дают ему забвение в иллюзии. Средства массового общения не помогают человеку разобраться в более глубоких источниках его чувства разлада с действительностью, его личных тревог, невыраженного возмущения и смутных надежд. Они не дают индивидууму подняться над своей узкой средой и вместе с тем не разъясняют ему ее ограниченное значение.

Одним из способов борьбы с негативным влиянием средств массового общения на человека Миллс считает их качественное разнообразие для того, чтобы человек всегда имел возможность сравнения и выбора. Именно акт свободного выбора является показателем самостоятельности мышления индивида, а значит, и способности последнего к рефлексии.

Средства массовой коммуникации играют огромную роль в становлении и развитии так называемой «массовой культуры». Этот феномен, возникший как следствие массовизации, с определенного момента служит условием ее дальнейшего и более многостороннего развития.

Становление массовой культуры первоначально тесно переплеталось с явлением ее демократизации. Приобщение широких слоев населения к образовательному процессу в городской среде расширяло аудиторию, имеющую доступ к ценностям культуры. На фоне прогресса техники появляются новые художественные средства, новые виды искусства, демократические по своей природе. Наиболее характерен здесь феномен кинематографа с его баснословной дешевизной билетов, ставшего этапом нового, общедоступного «буржуазно-демократического театра», в

котором происходило полнейшее смешение слоев и страт [11, с. 82]. В наиболее значительных сферах культуры стала развиваться «эстетика популярности» [там же, с. 48]. От подобной эстетики, ориентирующей на успех и признание массовой аудитории, – один шаг до «эстетики бестселлера», т.е. ориентации творца в первую очередь на кассовый успех.

В конечном итоге продукт культурного творчества переосмысливается в рыночный продукт, ориентированный на удовлетворение массового спроса и извлечение прибыли. В соответствии с массовыми предпочтениями происходит перестройка иерархии видов и жанров искусства. «Высокое» искусство становится уделом духовно развитого меньшинства или, что представляется наиболее опасным, подвергается упрощению и подается широкой публике в формах, предназначенных для более «легких» жанров. Так рождаются романы в комиксах, оперы в поп-обработке и другие подобные им образчики «эрзац-искусства». «Массовая культура» несет в себе тенденцию формирования у ее потребителей эскапизма, ценностного релятивизма, воспитания так называемого «наблюдателя», принимающего социальные проблемы не всерьез и озабоченного лишь стремлением к личному преуспеваю, причем преуспеваю в материально-бытовом, а не духовном плане.

Однако считать всю культуру, ориентированную на «человека-массу», исключительно негативной, обращенной только к низменным его инстинктам, было бы непростительным упрощением. Широкие слои населения читают замечательную литературу (для примера можно привести великолепные книги Пауло Коэльо, обращенные к самому высокому в человеке), наслаждаются прекрасной живописью (лучшие музеи мира не испытывают недостатка в посетителях), а по телевидению смотрят не только триллеры. И подобной ситуацией мы также обязаны существованию средств массовой коммуникации. Таким образом, нельзя считать роль этих средств целиком и полностью негативной, как это пытаются представить особенно непримиримые противники «массового» общества. В то же время не следует терять бдительности, ибо сегодня мы даже не можем себе представить, какими станут СМК завтра и на что они будут способны.

Процессы индустриализации, урбанизации и информатизации теснейшим образом связаны с процессом демократизации социально-политической сферы общества.

Корни демократизации уходят в просветительские идеи прав человека и прежде всего идеи равенства всех граждан перед законом. «В XVIII веке определенные узкие круги открыли, что каждому человеку, без каких-либо оценок, один уже факт его появления на свет дает основные политические права, названные правами человека и гражданина, и что в действительности лишь эти всеобщие права и существуют. Все иные права, связанные с личными заслугами, осуждались как привилегии» [4, с. 50]. Соответственно осуждались также и все права, непосредственно вытекающие из принадлежности к той или иной социальной группе, что постепенно, по мере продвижения идеи прав человека из теорети-

ческой плоскости в практическую, делало данную принадлежность всё более бесполезной, а иногда вредной и даже опасной.

Вначале идеи прав человека были уделом немногих и чистой теорией, но вскоре эти немногие стали воплощать их в жизнь, утверждать и отстаивать их. Однако в течение XIX в. масса, вдохновляясь идеей всеобщих прав как идеалом, за собой этих прав не чувствовала, не пользовалась и не дорожила ими, а продолжала жить и ощущать себя в условиях демократии так же, как и до нее. Но в конце концов идеал осуществился – и не в законодательстве, а в сердце каждого человека независимо от убеждений, включая убежденных реакционеров. Таким образом, постепенно приоритет человека вообще, «без примет и отличий», человека как такового превратился из общей идеи или правового идеала в массовое мироощущение, во всеобщую установку. Заметим, что идеал, осуществляясь, перестает быть идеалом. Уравнительные права, рожденные благородным демократическим порывом, из надежд и чаяний превращаются в вожделения и бессознательные домогательства. Формальное равенство прав и возможностей, не подкрепленное равенством фактическим (т.е. нравственным, культурным), самосовершенствованием, правильным пониманием соотношения общественных прав и обязанностей, привело не к реальному личностному росту индивида, а лишь к росту амбициозности, претензий «человека-массы». Эта амбициозность укрепляется растущей полубразованностью, иллюзией знания, «варварством специализации». Итак, внешние ограничения практически во всех сферах жизни для «большинства» оказались сняты. Но, как верно отмечает П. П. Гайденко, «... снятие внешних ограничений превращается в полный произвол индивидуальных вожделений, если человек не знает ограничений *внутренних*, не умеет и не хочет «укорачивать самого себя» [14, с. 165]. Именно таков «человек-масса» нового образца, которого открывшиеся возможности не улучшили, а превратили в подобие избалованного ребенка. Он избалован либеральными ценностями, которые задумывались и понимались как основа для раскрытия творческой личности, для ее свободного саморазвития. Рядовой человек отнесся к либеральным ценностям утилитарно, трактуя их с точки зрения их полезности или вреда для своей жизни. Самой главной ценностью для него стало осознание того, что ему («по праву рождения») всё дозволено и ничто не обязательно.

Причины торжества «демократической метафизики» в XX в. заключаются, по Бердяеву, в утрате истоков духовной жизни, духовном упадке человечества (рост демократизма идет параллельно «выветриванию души»), в росте скептицизма и скептической общественной гносеологии: если нет правды и истины, то будем признавать за них то, что признает большинство, если они есть, но я их не знаю, опять остается положиться на большинство. «... Чудовищно, – восклицает Бердяев, – как люди могли дойти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины» [15, с. 169].

Самодовлеющее демократическое начало без сочетания с началом элитарным в ситуации социокультурной активизации общности «людей

массы», делегирующих в демократические институты популистские элементы, может оказаться деформирующе-разрушительным с точки зрения перспектив развития цивилизации. Всё дело в том, что, как пишет К. Ясперс: «Никто не берет на себя подлинную ответственность; делается вывод, что один человек решить вопрос не может. Действуют различные инстанции, контроль, решения комиссий – одни сваливают решения на других. В основе – авторитет народа в качестве массы, которая принимает решение посредством выборов» [16, с. 334]. Фактически народ не имеет реальных рычагов воздействия на государство, а его власть носит чисто декларативный характер.

Чтобы переломить ситуацию, необходимо развитие независимых институтов «плюралистической» демократии с реальной, а не декларативной возможностью граждан принимать ответственные решения на местном уровне, а не просто голосовать за мифическое «светлое будущее». Несмотря на все недостатки демократического устройства общества, лучшего человечество еще не изобрело. Чтобы свести к минимуму издержки функционирования «массового» общества, необходимо не отменять демократию, а сделать ее реальной, чтобы современный человек перестал «бежать» от свободы, но имел возможность свободно принимать ответственные решения на местах.

Таким образом, демократизация общественной жизни – один из важнейших факторов массовизации современного общества прежде всего по двум причинам: во-первых, демократия провозглашает равное право всех перед законом, т. е. она уравнивает всех: равных и неравных, формируя тем самым «среднего» человека; во-вторых, в демократическом обществе идет ориентация на решение большинства, мнение большинства и усредненность субъектов выборов и дают простор для развития «человека-массы». Тем не менее при всех негативных аспектах демократии в ее содержании, несомненно, заложено множество позитивных моментов, используя которые можно свести к минимуму отрицательные последствия функционирования «массового» общества и улучшить это общество. Как утверждает К. Мангейм, «демократическому и либеральному устройству массового общества можно предъявить ряд обвинений... Однако необходимо признать одно его преимущество – то, что при всей неправильности его развития оно оставляет открытой возможность для спонтанного образования противоположных течений и коррекций. Большое преимущество либеральной структуры – даже на стадии массового общества – невероятная гибкость» [17, с. 326].

Под влиянием рассмотренных нами процессов, характеризующих становление современного «массового» общества, происходила десакрализация духовной жизни, т.е. вытеснение сверхиндивидуального начала из сознания человека и из цивилизационной структуры в целом.

По М. Буберу, человек живет в двух мирах – мире отношения, и тогда его основное Я сопряжено с Ты и в мире опыта, в котором его Я всегда связано с Нечто – т.е. с неким Оно.

Духовная сфера является важнейшей смыслообразующей сферой, освещающей человеческие отношения. «Здесь отношение окутано облаком, но открывает себя, оно не обладает речью, однако порождает ее. Мы не слышим Ты и всё же чувствуем, что нас окликнули, мы отвечаем, создавая, думая, действуя; всем своим существом мы говорим основное слово, не умея молвить Ты устами» [18, с. 26].

Таким образом, главное Ты – это надличностный, сверхиндивидуальный Абсолют, общение с которым необходимо для любого духовно развитого существа. Две другие сферы, в которых строится мир отношения, – это жизнь с природой и жизнь с людьми. Десакрализация духовной жизни – это вытеснение мира отношения на периферию человеческого бытия, приводящее к тому, что для большинства людей остается только мир Оно – предметный мир, где человек всегда сталкивается с Нечто, не вступая с ним в отношение.

Реалии современного общества до предела обострили данную проблему. Всё больше людей живут почти исключительно в мире Оно и знать не желают о том, что существует еще и другой мир – мир отношения, мир Ты. Хуже всего то, что отношение Я – Оно распространяется и на те сферы, которые изначально принадлежат миру отношения. Это выражается в поверхностном соблюдении религиозных обрядов, потребительском отношении к природе и межличностным отношениям.

Ростки десакрализации духовной жизни возникли в эпоху Возрождения и связаны с постепенным вытеснением церкви из многих сфер жизни общества. По мнению Р. Генона, непосредственный переход к профанизации сознания связан с гуманизмом Ренессанса «...потому, что тот, кто говорит «гуманизм», высказывает тем самым претензию всё свести к чисто человеческим элементам, следовательно (по крайней мере, фактически, если еще и не в специально сформулированной теории), исключить всё то, что относится к сверхиндивидуальному порядку» [19, с. 57]. Конечно, совершенно неправильно винить гуманистов во всём – возможно, они первыми пытались обосновать десакрализацию, но они не были прародителями «человека-массы». Их основной интенцией было возвышение человека до Бога через высокое приобщение к культуре. Сами гуманисты и по сути, и по форме были культурной элитой своего времени. В их академии и кружки не допускался каждый, а лишь равный им, постигший мудрость в Слове. Другое дело, что гуманисты невольно поспособствовали формированию современного общества, а их идеи были искажены.

Углубление процессов десакрализации связано с Реформацией. По М. Веберу, одухотворение мирского, что с равным успехом может быть описано и как обмирщение духовной сферы, идет от принципа мирской аскезы. Суть его состоит в том, что «...каждый христианин должен быть монахом в течение всей своей жизни... осуществлять аскетические идеалы в рамках своей профессии» [20, с. 156–157]. Более того, в мирской профессиональной деятельности было необходимо найти подтвержде-

ние своей вере. Добавим к этому провозглашенную в протестантизме возможность и даже необходимость для каждого верующего самостоятельно изучать и толковать Священное Писание, и мы увидим, как религиозный принцип постепенно рационализируется и упрощается в сакральном отношении. Высказывание Лютера о том, что мирская деятельность есть проявление любви к ближнему, приводит к тому, что эта любовь приобретает своеобразный объективно безличный характер деятельности, направленной на рациональное преобразование окружающего нас социального космоса. А взаимоотношения с Богом начинают строиться по принципу «Ты – мне, я – тебе». В конечном итоге произошло выведение идеи Бога из цивилизационной структуры, отказ от сверхиндивидуального сознания и воли. Место Абсолюта прочно занял Разум, что и позволило Ф. Ницше провозгласить свое знаменитое «Бог умер», а Достоевскому – «Если Бога нет, то всё дозволено».

Развитие рационализма стало следующим этапом десакрализации духовной жизни. Рационализм во всех формах по существу определяется через веру в главенство разума, объявляемое настоящей «догмой» и предполагающее отрицание всего того, что представляет собою сверхиндивидуальный порядок, а именно, чистую интеллектуальную интуицию. Рационализм, собственно говоря, восходит к Декарту, объявившему, что акт «Я мыслю» является самым простым и самым очевидным основанием существования человека в мире, а также самого мира. Можно сомневаться, существует ли объективный мир, но нельзя сомневаться в существовании мыслящего индивида. Нет ничего, кроме самого человека, что обеспечивало бы ему возможность реализовать себя как человека.

Отказ от Бога или «онтологический нигилизм» назван М. Хайдеггером «зловещим», «неприятным». Дело в том, что идея Бога задавала меру объяснения мира в целом и жизни отдельных людей, не давала людям погрузиться в стихию инстинктов, требовала от людей строить своё бытие по типу должного, т. е. выходить за рамки сиюминутных материально-экономических интересов и потребностей. Если рассматривать средневековую цивилизацию, то можно констатировать, что там самые обычные действия существования всегда имеют в себе что-то «религиозное». Дело в том, что «...там религия вовсе не есть нечто узкое и тесно ограниченное, находящееся в стороне, без всякого действительного влияния на всё остальное, каковой она является для современных западных людей...» [19, с. 59]. Отказ от Бога означал неизбежное изменение способа человеческой жизни, понимания содеянного, оценок и осмыслений. Произошел отказ от Абсолюта, человечество отпало от Вечности, перестало соотносить с этим понятием свои мысли, чувства и действия.

Человечество в его рационально-сознательной ориентации открыло могущество социальных, материально-экономических, психологических и иных факторов, т. е. всего того, что Генон называет «царством количества». Это «царство» стало наделяться изначальной силой, а высшее оказалось в конце концов бессильным. Таким образом, человек из хозяина своих потребностей и интересов превратился в их раба. Постепенно

«иметь, чтобы быть» трансформировалось в «быть, чтобы иметь, иметь, иметь...».

Выгеснив Бога как упорядочивающее и регулирующее начало, человек не перестал нуждаться в подобном начале. На роль единого Бога стали претендовать различные десакрализованные системы ценностей – идеологии. «Прежний Бог умер, но его роль пытаются восполнить вновь созидаемые идеологии с альтернативными взглядами на мир. Эти идеологии порождают новых кумиров и пропагандируют новые идеалы, но это означает, что возникают новые рационализированные боги современного человека» [21, с. 7]. По мнению немецкого исследователя У. Матца, идеология «...есть в принципе религиозно мотивированная, но по своему содержанию секуляризирующая система ориентаций («эрзац-религия»)» [22, с. 131].

Главной функцией любой идеологии является воздействие на массовое сознание и, таким образом, формирование различных видов масс. Та или иная идеологическая система, первоначально выражая интересы той или иной определенной группы, ставит задачу захватить в свою орбиту большинство членов общества, т.е. стать массовой. Так как в современном обществе доминирует «средний» человек, ориентированный на удовлетворение сиюминутных, часто низкосортных интересов и потребностей, идеологам приходится подстраиваться под данный тип человека, нередко искажая свою программу, изымая из нее трудно воспринимаемые пункты и тем самым даже выхолащивая самую суть идеологической системы. Подобное положение приводит к постепенному нивелированию по крайней мере некоторых различий между разными идеологиями потому, что большинство людей хотят одного и того же. При таких условиях идеология в конечном итоге становится набором операций по достижению желаемого. Разница между идеологиями состоит уже не в «Что», а в «Как». Господство массовых интересов и потребностей в современном обществе приводит к тому, что главной идеологией в обществе становится идеология потребления и накопительства в огромных масштабах.

В целом следует отметить, что светские идеологии не могли и не смогли заменить человеку сверхиндивидуальное начало потому, что все они так или иначе замкнуты на «посюстороннее». Даже обещая своим приверженцам рай, они обещают его «на земле». О том, что тяга к сверхъестественному Абсолюту никуда не исчезла, говорит появившийся в последние годы неподдельный интерес западных обывателей к различным восточным религиозным направлениям (индуизму, дзэн-буддизму и др.), а также формирование новых религиозных и псевдорелигиозных культов на самом Западе. Одним из наиболее ярких примеров последних может служить учение К. Кастанеды, миллионы поклонников которого существуют во многих странах мира.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что главный смысл десакрализации духовной жизни в том, что, свергнув Бога с пьедестала авторитета, общество породило пустоту без перегородок и границ. Не стало ничего «святого» ни на небе, ни на земле. Раньше всё было освя-

щено ореолом святости: личная жизнь, семья, отношение к государству, существовала веками освященная традиция, абсолютная полярность между Добром и Злом, дозволенным и недозволенным (греховным), личностная тайна спасения, путь к которому лежит через постижение смысла Бога. В современном обществе разрушилась традиционная иерархия ценностей (Божественное – человеческое, добро – зло, небесное – земное, святое – мирское, рай – ад и т. д.). Возникла равноправность и усредненность всего. Вместо оппозиции «святое – мирское» возникло доступное всем светское: в правах, образовании, этических и правовых нормах.

Путь к становлению духовно развитой личности лежит не только через познание Бога, этот путь всегда лежит через возвышение личности в культуре, т. е. через окультуривание человека. Новое время, особенно XX в., пошло по пути не повышения культурной планки, а по пути ее понижения, усреднения и упрощения. И не последнюю роль в этом «раскультуривании» человека сыграла трансформация процессов социализации индивида, которую неизбежно повлекли за собой рассмотренные выше факторы.

Под социализацией принято понимать усвоение человеком социального опыта и ценностных ориентаций, соответствующих их социальным ролям. Желаемая социальная роль подразумевает соответствие человека определенным стандартам, связанным с данной ролью. Вместе с тем процесс социализации представляет собой накопление индивидом личностных свойств и качеств и превращение его, таким образом, в участника общественной и культурной жизни.

Главной особенностью социализации современного «массового» человека является то, что при построении личностного этот человек чаще всего ориентируется на те лекала, которые ему предлагает общество. Человек, с одной стороны, несомненно, желает быть уникальной, неповторимой личностью, но, с другой – строит себя по различным образцам, часто не слишком высокого качества. Таким образом, мы можем констатировать, что современное общество, в котором господствует массовое производство как материальных, так и различных духовных продуктов, формирует и такой своеобразный, не известный в предыдущие эпохи продукт, как надындивидуальное массовое «Я». Это такая своеобразная «личность» – одна на всех. Постепенно наступает привыкание к этому продукту и он кажется необходимым и естественным. Как пишет Э. Фромм: «Форма и содержание наших мыслей, идей, чувств и стремлений бывают индуцированы в наш мозг извне, причем это случается так часто, что мы склонны считать подобные псевдоакты правилом, а собственные мысли индивидуума – уже скорее исключением» [23, с. 246].

В традиционном обществе каждый индивид практически с рождения и до смерти находился в своей социокультурной нише, живя по заведенной (идуущей от отцов) традиции. Его индивидуальность была обусловлена вхождением в эту нишу. Вместе с тем внутри этой ниши существовали свои общезначимые идеалы, смыслы, настроения, мнения и т. д., а также и определенные социальные роли. Равновесие в обществе да и само его

существование как раз и достигались наличием строго разграниченных между собой социокультурных ниш. Процессы социализации происходили в рамках этих ниш. Таким образом, человек в традиционном обществе реально входил в определенный сегмент общества, а социальное взаимодействие представляло собой не взаимодействие индивида и общества, а взаимодействие различных его сегментов. Отсюда следующий важный вывод – единство сословного общества достигалось разнообразием составляющих его сегментов, тогда как девиз современного общества – единство в однообразии.

Индустриально-демократическая эпоха сломала сословные перегородки, старые традиции. Множество процессов, о которых говорилось выше, поменяли фон, а соответственно социальную основу социализации. Элитаризм стал вытесняться эгалитаризмом; постепенно всем стало доступно всё, все стали равны (по крайней мере юридически). Стала преобладать установка, что большинство – всё, а меньшинство – ничто. Формирующиеся новые стандарты жизни – средние, массовидные, стереотипные становились законом жизни. Политика, право, образование, производство, потребление, суррогат духовности – новые идеологии начали ориентироваться на «среднего» человека, на репрезентацию большинства, массы. В этих условиях и идеологической (если хотите, мировоззренческой), и практической нормой становится присоединение к большинству, к массе.

Такая ситуация, хотя и носит объективный характер, не может не вызывать опасений – личностное всегда отождествляется прежде всего с «внутренней свободой» человека, с его выбором, критичностью, способностью к рефлексии, с самотворчеством и т. д. Между тем современное общество предлагает человеку уже готовую замену всего перечисленного выше – стандартизированную матрицу формирования собственного «Я», маску, которую нужно лишь надеть на себя. А не «изобретать велосипед» под названием «уникальная личность». И человек, который остался наедине со свободой, а вернее, с правом на нее после разрушения традиционного мира, принимает эту замену. Принимает потому, что остаться наедине со свободой – это остаться наедине с собой, а одиночество нетерпимо для человека. И не только психологически, но и социально. «Одним словом, индивидуум теряет самого себя; общепринятая мораль навязывает ему определенный тип личности, и он его с готовностью принимает, превращаясь при этом в «одного из» и становясь точно таким же, как и все остальные, и таким, каким они хотят его видеть. Стираются грани между собственным, личным «я» и окружающим миром, а вместе с тем испаряется и страх перед одиночеством и бессилием... Как только человек отказывается от самого себя и превращается в робота, он перестает испытывать чувство тревоги и одиночества, подобно миллионам других таких же людей – машин. Цена такому изменению – утрата своего «Я» [23, с. 240].

Важнейшее место в процессах социализации индивида занимают так называемые агенты социализации, т.е. различные общественные ин-

ституты, группы, а также отдельные индивиды, которые информируют человека о тех или иных «правилах игры», о содержании социальных ролей и статусов, которые он должен усвоить, чтобы стать полноценным членом общества. Как известно, основными агентами социализации выступают:

- семья или учреждения, ее заменяющие;
- средние и высшие учебные заведения;
- различные профессиональные, политические, религиозные и иные общественные институты и организации;
- средства массовой информации и коммуникации.

В современном обществе особенностью процессов социализации является смена доминирующих агентов: те из них, которые имели наибольшее влияние в традиционном обществе (например, семья, церковная община, цеховые корпорации) частично или полностью его утратили. Другие – прежде всего общественно-политические институты и СМИ имеют важнейшее значение. Очень хорошо эти процессы отразил в оригинальной концепции «массового» общества У. Корнхаузер. Философ выделяет три уровня человеческой «социальности» – уровни удовлетворения потребности человека в общении с себе подобными. Первый уровень есть семья, ближайшее окружение человека, без которого он в принципе не в состоянии сформировать основы своего мировоззрения. Второй уровень – социальная группа (корпорации, общины, церковные приходы, клубы и т. д.). Данный уровень – ключевой в формировании личности человека, поскольку именно он уже окончательно определяет его статус и место в обществе, а также способствует его самовыражению. Третий уровень – общество в целом (уровень принадлежности к той или иной нации, государству или «великой» культуре), который определяет место человека в масштабе всего человеческого сообщества, мира.

Закономерным результатом процесса стандартизации и унификации всех сторон человеческой жизнедеятельности «явилась дезинтеграция второго уровня социальности, уничтожения интереса человека к делам его социальной группы». [24]. Общество начинает утрачивать традиционно сложившиеся структуры социально-корпоративного общения и веками складывавшегося жизненного уклада, переводит потребность самоутверждения и самореализации человека на третий уровень «социальности», уровень общества в целом.

«Перенесение самого пристального внимания на этот уровень напрямую способствует тому, что политические интересы приобретают личностный, особо значимый для человека характер. Интересы класса, нации, государства начинают восприниматься простым обывателем как свои собственные кровные интересы» [24]. Это, а также резкая агрессивная широкомасштабная реакция на какое-либо их ущемление; существование политических структур, умело манипулирующих и использующих их в своих целях; стремление разрешить возникшие проблемы наиболее быстрым и простым путем, как понимает их «человек-масса», – вот признаки и основы возникновения массового общества. Искусственно со-

здаваемые так называемые «промежуточные» группы, призванные воссоздать «новый» второй уровень «социальности», легко контролируются и не являются подлинно независимыми. Они не защищены от всеохватывающего манипулирования сознанием масс.

Таким образом, ведущими агентами социализации становятся как раз те социальные институты, которые и продуцируют стандартизованную матрицу индивидуального «Я», удобную и безопасную для общества. А те агенты, которые всегда помогали человеку построить собственную неповторимую личность, либо вообще перестали существовать, либо утратили решающее значение для человека.

Исследование процессов, составляющих сущность массового общества, позволяет сделать вывод, что они, безусловно, несут большую негативную нагрузку, но считать их полностью отрицательными недопустимо. Данным процессам имманентно присущи потенции более благоприятного развития как человека, так и общества в целом. Прежде всего можно назвать наличие конкуренции как в экономике, так и в других сферах. Именно конкуренция дает возможность создавать качественно разнообразную продукцию. Такая ситуация ведет если не к изменению стандартов, то по крайней мере к их численному увеличению, что в конечном итоге дает человеку возможность выбора. Этот принцип работает и в политической системе: люди выбирают органы государственной власти и часто выбирают достойных. Средства массовой коммуникации, наряду с распространением низкопробной культуры, обладают возможностью внедрять в сознание человека и очень качественные интеллектуальные и духовные ценности, что многие из них с успехом и делают.

Если от негативно-оценочного истолкования процессов массовизации перейти к их объективному анализу (попытка которого была предпринята в данном исследовании), то выясняется, что каждый из процессов массовизации – не есть жестко фиксированное образование с определенным набором признаков, а некоторое состояние, обусловленное современным этапом исторического развития. Бытие массового общества – это динамичный, всё время изменяющийся процесс, который сегодня не такой, каким был вчера, а завтра, несомненно, будет не таким, каким является сегодня.

Литература

1. *Маркс К.* Капитал : критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. : в 50 т. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23. – С. 5–900.
2. *Нарский И. С.* Отчуждение и труд. По страницам произведений К. Маркса / И. С. Нарский. – М., 1983. – 144 с.
3. *Грушин Б. А.* Процессы массовизации в современных обществах / Б. А. Грушин // Рабочий класс и современный мир. – 1986. – № 5. – С. 30–46.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1994. – С. 43 – 163.
5. *Маркузе Г.* Одномерный человек / Г. Маркузе. – М., 1994. – 340 с.
6. *Тоффлер О.* Будущее труда / О. Тоффлер // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – 450 с.

7. Историческая поступь культуры : земледельческая, урбанистическая, ноосферная. – Брянск, 1994. – 192 с.
8. *Овчинников Г. К.* Массовое сознание как объект социологического анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. К. Овчинников. – М., 1974. – 52 с.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М., 1993. – Т. 1. – 664 с.
10. *Леонтьев К. Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство. – М., 1996. – С. 400–431.
11. Средства массовой коммуникации и современная художественная культура. – М., 1983. – 311 с.
12. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа / Г. Тард // Психология толпы. – М., 1999. – С. 257–408.
13. *Миллс Р.* Властвующая элита / Р. Миллс. – М., 1959. – 544 с.
14. *Гайденко П. П.* Хосе Ортега-и-Гассет и его «Восстание масс» / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 155–169.
15. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – М., 1995. – 286 с.
16. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991. – 484 с.
17. *Мангейм К.* Человек и общество в эпоху преобразования / К. Мангейм // Диагноз нашего времени. – М., 1994. – 700 с.
18. *Бубер М.* «Я и Ты» / М. Бубер // Два образа веры. – М., 1999. – 590 с.
19. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени / Р. Генон. – М., 1994. – 304 с.
20. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избр. произведения. – М., 1990. – С. 61–272.
21. *Кравец А. С.* Идеалы и идолы науки / А. С. Кравец. – Воронеж, 1993. – 220 с.
22. *Матц У.* Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна / У. Матц // Полис. – 1992. – № 1/2. – С. 130–142.
23. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. – Минск, 2003. – 416 с.
24. *Елишев С.* Предпосылки восстановления традиционной государственности / С. Елишев. – Режим доступа: [http://www //0/ mer 1. newmail.ru](http://www//0/mer1.newmail.ru)